

Катерина Славская

**ДОРОГУ ОСИЛИТ
ИДУЩИЙ**

Повести

Катерина Славская

Дорогу осилит идущий. Повести

«Издательские решения»

Славская К.

Дорогу осилит идущий. Повести / К. Славская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835102-0

Повести, представленные в сборнике, отображают судьбы женщин, переживших периоды одиночества. Героинями являются наши современницы со своими страстями, достоинствами и недостатками, а также умением выпутываться из сложных жизненных ситуаций. Автор книги мастерски владеет секретом психологического и эмоционального отображения действительности, что делает ее произведения занимательными и проникающими в душу читателей.

ISBN 978-5-44-835102-0

© Славская К.
© Издательские решения

Содержание

Венечка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дорогу осилит идущий Повести

Катерина Славская

© Катерина Славская, 2019

ISBN 978-5-4483-5102-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Венечка

Оглянувшись на странный стук, Нелли увидела, что сынишка как-то странно лежит на асфальте. Выпустив из рук пакет с мусором, Нелли кинулась к ребенку. Венечка лежал на боку. Нелли присела на колени, подняла сына:

– Веня, Венечка, что с тобой?

Васильковые глаза сына были широко раскрыты. Нелли тормошила ребенка, но малыш не подавал признаков жизни. Нелли ничего не могла понять, но материнское сердце било тревогу: случилось самое страшное. Вдруг пальцами левой руки, которой она поддерживала голову сына, Нелли почувствовала что-то жидкое и липкое. Нелли с ужасом посмотрела на свои пальцы, потом повернула лицо сына... Чуть выше левого уха она увидела дырочку, из которой вытекала кровь. В эту же секунду Нелли увидела торчащий из асфальта штырь железной арматуры, вокруг него была кровь. Нелли бросило в жар, а потом сразу в холод.

– Веня! – откуда-то из самой глубины Нелиной души вырвался дикий крик. Нелли прижала сына к груди, рыдания сотрясали ее тело. Мысли путались. Что делать? Мозг отказывался соображать.

– Помогите, кто-нибудь, скорей! – Нелли кричала, но не слышала свой голос. Сердце колотилось, тошнота подступала к горлу, Нелли находилась на грани обморока.

На ее крик к контейнерной площадке, около которой находилась Нелли с сыном, стали сбегаться люди.

Дмитрий не слышал крик жены. Он только что закрыл дверь квартиры, взял последнюю сумку и спускался вниз на лифте. Настроение у него было превосходное. Самолет через три часа. Они спокойно доедут до аэропорта, машину оставят на платной стоянке. Погода летная, солнце. Наконец они всей семьей выбрались отдохнуть. Веня подрос, впервые поедет на море, в Анапу. Сынишка будет купаться, играть в песке. Дмитрий улыбался, насвистывал веселый мотивчик.

Выйдя из подъезда, Дмитрий краем глаза увидел группу людей, толпившихся у контейнерной площадки. Почему-то неприятно защемило сердце, но он не придал этому значения. Подходя к машине, припаркованной недалеко от подъезда, Дмитрий не увидел около нее жену и сына. Он вспомнил, что Нелли и Венечка вышли чуть раньше, чтобы выбросить мусор. Нелли была очень аккуратной хозяйкой и приучала к этому своих мужчин. И сегодня она попросила сына помочь ей. Внутри у Дмитрия екнуло.

Он бросился к контейнерной площадке. Подбегая, услышал:

– «Скорую», надо «Скорую»!

– Вызовите скорей!

– Боже, какой ужас, несчастье-то какое, – пожилая женщина вытирала платком глаза.

Дмитрий растолкал людей и увидел Нелли с Венечкой на руках. Белый топик жены и светлая рубашечка сына были испачканы кровью. Опускаясь рядом с женой на асфальт, с болью в сердце Дмитрий спросил:

– Нелли, что случилось?

Нелли подняла голову и посмотрела на мужа невидящим взглядом. В ее глазах можно было прочесть то, что ни одна бы мать никогда не согласилась почувствовать на себе.

– Веня... – еле шевеля пересохшими губами, проговорила Нелли.

Дмитрий взял мальчика на руки:

– «Скорую» кто-нибудь вызовите!

– Уже вызвали, едут, – ответили из толпы. Людей становилось все больше. Дмитрий взял тоненькую руку сына, пытался нащупать пульс, но он не прощупывался. В голове у Дмитрия глухо стучало. Сквозь этот глухой звук доносились голоса любопытных:

– Что произошло?

– Ребенок напоролся на арматуру...

Машина скорой помощи приехала минут через пятнадцать. Люди расступились, пропуская медиков. Врач быстро осмотрел рану, проверил пульс, прослушал сердце. Врач посмотрел на Дмитрия, в глазах которого читался немой вопрос. Диагноз был ясен. Железный штырь пробил мягкую височную кость ребенка. Никакая реанимация не могла уже спасти мальчика. Венечка умер мгновенно. Врач чуть заметно покачал головой. Дмитрий уткнулся головой в ребенка, его плечи дрожали.

– Мальчика мы заберем, – тихо сказал врач, потом обернулся и попросил стоящего рядом мужчину:

– Вызовите участкового. А вы, пожалуйста, расходитесь, – обратился он к остальным.

Люди стали молча расходиться. Медики выкатили из машины носилки, Дмитрий положил на них ребенка. Плача, поцеловал сына, закрыл ему глаза.

– Зачем ты закрыл ему глаза? – закричала Нелли, – почему мы не едем в больницу? Доктор, скажите, Венечка поправится?

Сердцем Нелли чувствовала, но разум отказывался верить.

– Венечка, малыш, ты меня слышишь? Родной мой, – Нелли в слезах бросилась к сыну, обняла маленькое тельце ребенка. Она стала лихорадочно целовать его лицо, гладила тело, прижимала его руки к своим губам и безостановочно шептала:

– Венечка, ты поправишься, ты поправишься...

Дмитрий обнял жену. Оба стояли над телом сына и рыдали.

Все, что было потом, для Нелли происходило в тумане. Пришли сотрудники милиции, о чем-то спрашивали, Дмитрий отвечал. Затем участковый миллионер и врач писали какие-то бумаги. Нелли не понимала, о чем они договаривались, о каких агентах говорили. Для нее это не имело никакого значения.

Для Нелли уже больше ничего в жизни не имело значения.

Кто-то накрыл Венечку простыней. Когда носилки стали втаскивать в машину, Нелли опять кинулась к сыну, сдернула простыню:

– Веня-я-я..., – протяжно завывала Нелли. Дмитрий подошел, стал оттаскивать жену, но Нелли отпихнула его и прижалась к телу сына, не давая его погрузить в машину.

– Я поеду с ним, уйди! – кричала Нелли.

– Не надо, не надо, – тихо говорила медсестра, помогая Дмитрию оттащить Нелли. В конце концов, им удалось это сделать. Носилки вкатили внутрь машины, дверцы закрылись. Машина тронулась с места и медленно стала выезжать со двора.

Нелли стояла в полном оцепении, потом вдруг дернулась и бросилась бежать вслед за машиной, но почти сразу упала и начала ползти вперед, раздирая в клочья джинсы на коленках, захлебываясь слезами, протягивая руку вперед:

– Веня, Венечка, малыш...

Дмитрий подбежал, стал поднимать жену. Нелли начала бить дрожь, ее вырвало, потом все тело как-то сразу обмякло, и Нелли потеряла сознание.

Когда Нелли очнулась, она сначала не могла понять, что происходит. Около нее стояли люди, она чувствовала запах нашатыря. Потом Нелли увидела серое лицо Дмитрия. Сознание возвращалось. Страшная реальность сжала сердце.

Еле передвигая ногами, Нелли с помощью мужа и соседей добралась до подъезда. Пока они ехали в лифте на свой 20-й этаж, Нелли беззвучно плакала. Войдя в квартиру, у Нелли началась истерика. Она бросилась к кровати сына и начала кричать:

– Венечка, это я виновата, попросила тебя мне помочь, ты споткнулся, упал, Венечка, Венечка...

Нелли билась в конвульсиях и продолжала кричать. Дмитрию было очень тяжело, но ему пришлось ударить Нелли по лицу. Она замолчала, уронив голову на подушку сына, медленно сползая на пол. Дмитрий поднял жену, отнес в другую комнату, аккуратно положил на кровать. Вышел в коридор, быстро подошел к телефону и набрал номер. Услышав голос Дмитрия, его мать весело спросила:

– Дим, ты так рано звонишь, вы уже в аэропорту?

Дмитрий тихо заговорил в трубку.

Часа через полтора приехали сначала родители Дмитрия, позже, из Тулы – родители Нелли. Нелли лежала на кровати в спальне, отвернувшись лицом к стене. Она лежала в той же одежде, в какой была утром. К ней подходили, что-то говорили, но Нелли ничего не отвечала. В какой-то момент мать Нелли, Анна Федоровна, подошла к дочери и стала снимать с нее грязную одежду. Нелли невольно подчинилась, потом она снова легла ничком. Нелли больше не плакала. Она лежала без движения, глядя в одну точку перед собой. Дмитрий старался все время находиться вместе с женой. Родители взяли на себя все приготовления к похоронам. Родственники, близкие друзья приезжали, уезжали и снова приезжали. Плачущая Анна Федоровна несколько раз пыталась напоить дочь успокоительными средствами, но Нелли ничего не пила. Однажды она еле вымолвила пересохшими губами:

– Ничего не поможет... оставь меня, мама...

К вечеру Нелли поседела.

Венечку похоронили через два дня. В могиле прадеда. В день похорон Нелли едва держалась на ногах. Когда еще в морге все прощались с Венечкой, Нелли сразу потеряла сознание, как только увидела мраморно белое личико сына.

И теперь, Нелли едва стояла у края могилы, поддерживаемая с одной стороны мужем, с другой стороны – матерью. Она испытывала только одно желание – упасть в яму и быть захороненной вместе с сыном.

Маленький гробик медленно опустили вниз. Все бросили в могилу куски земли. Земля глухо ударялась о крышку гроба. Нелли стояла, оцепенев. Мать вложила в руку Нелли щепотку земли, тихо сказала:

– Бросай...

Нелли повиновались. Она медленно подняла руку, разжала ладонь, высыпала землю.

Когда церемония закончилась, и плачущие родственники стали отходить от могилы, Нелли не могла сдвинуться с места. Ноги были как ватные, в животе ощущалась пустота. Сознание отказывалось принимать страшную реальность. Душа матери онемела. Нелли никого не видела и не слышала, она находилась в оглушенном состоянии. Нелли смотрела и смотрела помутневшими глазами на воткнутую в землю свежую табличку: Венечка Смолин 28 февраля 1989 г. – 31 августа 1994 г. Венечка родился в последний день зимы, умер – в последний день лета.

Дмитрий обнял жену, тихо шепнул:

– Пойдем...

Нелли машинально сделала несколько шагов, но вдруг вырвалась из рук мужа, упала и стала разрывать свежую землю, истошно крича:

– Венечка, малыш, прости меня, возьми меня к себе, Венечка... Господи, за что?

К Нелли подбежали. Муж стал ее поднимать. Но Нелли продолжала вырываться, отталкивая протянутые к ней руки, кричала со злостью:

– Уйдите, вы все живые, а он там один, малыш, мой, Венечка-а...

Подруга Лара, заливаясь слезами, отряхивала Нелли платье, шептала:

– Нелли, дорогая, пойдем, пойдем...

Нелли в изнеможении повисла на руках мужа. Дмитрий сам еле держался на ногах. Глаза у него ввалились, руки тряслись.

Медленно, останавливаясь и все время оглядываясь, Нелли шла, поддерживаемая Дмитрием и Ларой. Кое-как они добрались до выхода с кладбища.

Отец Нелли, Георгий Сергеевич, сел за руль. Везти машину Дмитрий был не в состоянии. Они с Нелли сели на заднее сиденье. Нелли уткнулась в плечо мужа. Она дрожала. Дмитрий тихо гладил жену по голове, по его щекам текли слезы.

Приехав домой, Нелли, качаясь, прошла в комнату, легла на кровать и больше не вставала. Она опять лежала молча, уставившись в стену. Временами Нелли начинало трясти, она металась по кровати, сжимала со страшной силой голову руками, как будто пыталась ее раздавить, то шептала, то кричала:

– Это я виновата, я, Венечка, Венечка, сыночек мой...

Родственники старались, чтобы в комнате с Нелли кто-нибудь находился. Они пытались ее успокоить, дать воды или лекарства. Ничего не получалось. Нелли смотрела на всех дикими глазами и кричала:

– Оставьте меня, оставьте меня, уйдите, я никого не хочу видеть...

Только когда подходил Дмитрий, обнимал жену, Нелли затихала. Дмитрий почти все время находился рядом с женой. Лишь отлучался на кухню курить. Дмитрий хватался за сигареты каждый раз, когда чувствовал, что начинает сходить с ума. Дрожащими руками он зажигал сигарету, затягивался и с глубоким выдохом выпускал дым. Сигарета давала эфемерный миг покоя, и это его спасало.

Со дня гибели Венечки прошла неделя. Нелли по-прежнему не выходила из комнаты. Она ничего не пила и не ела. Не слышала и не видела, что происходит вокруг. Лежала, свернувшись калачиком, закрыв голову покрывалом. За прошедшие дни она ни на минуту не засыпала. Сна не было, мозг не отдыхал. Включился внутренний механизм на самоуничтожение. Ее дыхание периодически прерывалось, тошнота подступала к горлу. Однажды, когда рядом с ней в комнате никого не было, Нелли встала с кровати и вышла на застекленную лоджию. Она двигалась как сомнамбула. Открыла окно, подставила стоявшую рядом табуретку. Встала на нее, держась руками за оконную раму. Поставила левую ногу на окно. С остекленевшим взором оглянулась. Анна Федоровна находилась на кухне и в этот момент увидела Нелли, так как окно кухни выходило на лоджию. Анна Федоровна охнула, зажав рот руками. Их взгляды встретились. Вероятно, увидев мать, Нелли растерялась, несколько секунд ее сознание колебалось. Но этих секунд хватило. Дмитрий уже входил в комнату. Он сразу увидел Нелли, бросился к ней, резко стащил с табуретки. Табуретка с грохотом отлетела в сторону. Нелли повисла на руках Дмитрия. Он отнес жену в комнату, положил на кровать, закрыл одеялом. Сильно похудевшее тело Нелли сотрясали беззвучные рыдания. Все ее существо не хотело жить. Из тела уходили силы, Нелли теряла разум. Теперь она уже не кричала. Лишь изредка, находясь в забытии, погружаясь в непродолжительный сон, Нелли с криком вскакивала с кровати. Ей снились кошмары.

Девять дней, сорок дней... Для Нелли никаких дней уже больше не существовало. Все разделилось на две части. До гибели Венечки и после. До – была яркая, счастливая жизнь, с любящим мужем и чудесным сыном. Эта жизнь кончилась в одночасье. Осталось – только после. Но это уже не было жизнью.

Нелли никуда не выходила из дома. Да и выходить ей никуда не нужно было. В последние годы она не работала, благо в семье был достаток. Муж работал в строительном бизнесе и удачно вписался в перестроечное время, был акционером крупной компании. Кормил семью он, а Нелли с удовольствием занималась домашним хозяйством.

Дмитрий вынужден был выйти на работу через три недели после смерти сына. Его страшный отпуск закончился, и он уже не мог находиться дома вместе с женой. Дмитрий сильно

изменился за эти дни, подчиненные и партнеры по бизнесу старались лишней раз его не беспокоить, всем было очень нелегко. Но работа отвлекала от тяжелых мыслей, а Дмитрию нужно было зарабатывать деньги. Он не умел жить по-другому. Постепенно Дмитрий втянулся, работа не дала ему уйти в себя. Смерть сына он пережил, с невероятным трудом, с отчаянной болью, но пережил. Теперь у него стояла задача спасти от истощения и помешательства жену, которую очень любил.

Через полтора месяца после смерти сына Нелли перестала ходить на саму себя. От красавицы Нельки ничего не осталось.

Когда-то природа одарила Нелли всем. Прекрасная фигура, густые каштановые с легким медным оттенком волосы, зеленые глаза, очаровательная улыбка. К внешней красоте добавлялась красота внутренняя. Нелли была умна, доброжелательна, улыбчива. Нелли умела так смеяться, что заражала своим радостным смехом окружающих. Плюс золотая медаль и красный диплом. Кавалеры сбивались с ног, предлагая руку и сердце. Замуж Нелли вышла по большой любви. Муж стал преуспевающим предпринимателем. Рос любимый сын. Недавно переехали в новостройку. Достаток в семье. Нелли с мужем планировали второго ребенка. Будущее выглядело счастливым и радужным.

Теперь все это было в прошлом. В свои двадцать девять лет Нелли походила на старуху. Седые спутанные волосы торчали клоками в разные стороны. Поблекшие глаза не выражали ничего, в них была пустота. Черные мешки под глазами, морщины. Нелли была истощена, ее нос заострился, щеки опали, сильно выдавались скулы.

Рядом с Нелли постоянно находилась мать или кто-нибудь из родных. Анна Федоровна поддерживала дочь, и постоянно следила, чтобы Нелли не предприняла новую попытку покончить с собой. Она повесила замок на окно лоджии. Дверь в бывшую комнату внука была закрыта на ключ. Все таблетки, которые врачи прописали Нелли, Анна Федоровна держала в секрете от дочери и выдавала необходимыми порциями. Но разве эти таблетки и уколы могли чем-то помочь?

Когда в первые дни после трагедии Нелли находилась в крайне неуравновешенном состоянии, то молчала, то впадала в неистовые истерики и страшно кричала, слышать эти крики было очень тяжело. Но когда после неудавшегося самоубийства Нелли вообще перестала плакать и смотрела вокруг отрешенным взглядом, все поняли, что ее психика не справляется с горем. Нелли нужно было спасать, что-то срочно предпринимать, иначе она окончательно превратится в психически больного человека. Родители решили направить Нелли на лечение в стационар.

Дмитрий не одобрял намерения родственников. Он понимал, что лечение в психиатрической больнице или в психоневрологическом отделении – это клеймо на всю оставшуюся жизнь, но дать жене сойти с ума, он тоже не хотел. И Дмитрий поступил достаточно мудро.

Нелли поместили в клинику, но не по месту жительства. И без направления от районного психоневролога.

Эта клиника находилась за городом в очень живописном месте. Территория больницы располагалась в лесном массиве и от внешнего мира была отделена высоким забором. Охранялась клиника по высшему разряду с использованием живой силы и последних достижений техники. Постороннему человеку проникнуть на территорию больницы было невозможно, точно так же, как и сбежать из нее.

Попасть сюда на лечение простым смертным было практически невозможно, так как ни в одном телефонном справочнике эта клиника не значилась. Это была больница для избранных. Здесь лечились от алкоголя и наркотиков, припадков и другой дури отпрыски политической элиты и прочая золотая молодежь, а также высокопоставленные чины, нахлебавшиеся по уши государственных и бытовых передраг.

В своих поисках лечебного заведения Дмитрий вышел на эту клинику, благодаря помощи друзей и своей настойчивости. Теперь было другое время, и на постсоветском пространстве деньги решали все. Туда, куда не попадешь по статусу, можно было попасть за деньги, если хорошо постараться. И Дмитрий постарался. Его мытарства длились почти два месяца, но, в конце концов, ему повезло. Дмитрий познакомился с нужным человеком и добился разрешения на самом высоком уровне поместить Нелли в клинику. Дорога была вымощена зелеными купюрами. А денег, требуемых на лечение, хватило бы на покупку новой квартиры. К счастью, кое-какие средства у Дмитрия были, да родственники с друзьями оказались на высоте, выручили.

Правда, сначала Дмитрию предложили отправить Нелли на лечение за границу, но он испугался. Чужая страна, чужие люди, чужой язык. Кто знает, как это повлияет на слабую психику Нелли. Дмитрий решил не рисковать.

Нелли пробыла в клинике несколько месяцев. Сначала она находилась в просторной одноместной палате на первом этаже. В палате был, холодильник, кондиционер, телевизор, магнитофон. Но Нелли ничем не пользовалась. Она целыми днями сидела напротив окна и смотрела куда-то вдаль сквозь стекло. Нелли раскачивалась в кресле-качалке, иногда что-то шептала и улыбалась. С ней постоянно находилась медицинская сестра или сиделка. Периодически Нелли ставили капельницу, давали таблетки и следили, чтобы пациентка проглатывала все капсулы до единой. Медсестра стояла перед ней при каждом приеме лекарств. Нелли безропотно выпивала лекарства и ела протертую пищу с ложечки.

Ухаживали за Нелли хорошо. Прежде всего, это было связано со статусом больницы и высокой оплатой, но также и с самой Нелли. Предысторию Нелиного заболевания медперсонал знал и относился к ней с большим сочувствием. К тому же больные с подобным диагнозом в клинику попадали не часто, основными пациентами были обколовшиеся от безделья и допившиеся до белой горячки молокососы из номенклатурных семей и нувориши.

В таком ритме прошел первый месяц, потянулся второй, третий... Но Нелли не ощущала ни смены сезонов года, ни течение самого времени. День за днем она сидела на кровати или покачивалась в кресле, уставившись в одну точку. Иногда переводила взгляд на того, кто к ней обращался, в ее глазах мелькало недоумение, она как будто пыталась понять, что от нее хотят. Но всегда молчала, даже не кивала в ответ головой, все требования выполняла отрешенно. Ей говорили «Нелли, открой рот, надо выпить таблетки» и она безропотно открывала рот, «ложись спать» и она ложилась, «надо есть» и она ела, медленно пережевывая пищу...

От расстройства сна Нелли на ночь делали уколы снотворного или давали успокоительные средства, в зависимости от ее состояния.

В обязанности сиделки входило чтение пациентам книг, ведение беседы, показ определенных телевизионных программ, включение музыки, благоприятно влияющей на самочувствие больного. Сиделкой у Нелли была полная женщина лет пятидесяти-пятидесяти пяти. Звали ее Жанна Юрьевна. С ней Нелли гуляла по территории больницы. Первоначально прогулки были крайне непродолжительные. Нелли была очень слаба, она еле-еле передвигала ноги, к тому же у нее много сил уходило на сам процесс одевания, хотя ей и помогала Жанна Юрьевна. Да и погода была промозглая. Нелли поступила в клинику в середине декабря.

Жанна Юрьевна выполняла свои обязанности по отношению к Нелли превосходно. Это было связано не столько с тем, что Жанна Юрьевна не хотела раньше времени оказаться на пенсии, сколько с тем, что она очень жалела Нелли, так как сама была матерью и бабушкой. Жанна Юрьевна также ежедневно сдавала отчеты о поведении пациентки лечащему врачу. Врач, Вероника Геннадьевна, почти ровесница Нелли, была крайне удивлена, когда впервые увидела Нелли и узнала дату ее рождения. Она даже тогда не удержалась, покачала головой. Теперь же врач внимательно наблюдала за ходом лечения Нелли, изучала отчеты, давала Жанне Юрьевне

рекомендации на день, ежедневно сама навещала Нелли. Вероника Геннадьевна писала диссертацию.

Наряду с медикаментозным лечением и электротерапией применялся и другой важный метод – отвлечения. С пациентом постоянно разговаривали, пытаясь завладеть его вниманием, направить внимание на кого-то или что-то, не связанное с горестными воспоминаниями. Гуляя или находясь в палате, Жанна Юрьевна постоянно разговаривала с Нелли, обращала ее внимание на предметы:

– Нелли, посмотри-ка, синичка на дереве, а там, вверху, подними-ка голову, да-да, вон туда, – и Жанна Юрьевна аккуратно руками поворачивала голову Нелли в нужном направлении, – видишь, на вершине березы сорока, а теперь полетела...

Жанна Юрьевна выводила Нелли на прогулки строго в соответствии с предписанием Вероники Геннадьевны, ни раньше, ни позже. Вначале, учитывая заторможенность Нелли, Жанна Юрьевна начинала готовить свою подопечную к выходу на улицу загодя. Она помогала застегнуть сапоги, надеть пальто. Потом они выходили и шли намеченным маршрутом.

В первые полтора месяца Вероника Геннадьевна составила расписание Нелли так, чтобы ее контакты с родственниками были минимальны. Родные своим печальным видом могли напомнить о трагедии. Контакты с другими пациентами были исключены. Но после одного случая Вероника Геннадьевна пересмотрела намеченный ход лечения.

Второго января выдался солнечный морозный день. Нелли с Жанной Юрьевной гуляли. Накануне, учитывая самочувствие Нелли, Вероника Геннадьевна удлинила маршрут прогулок. Конечной точкой была беседка, находившаяся недалеко от приемного корпуса. Когда Нелли и Жанна Юрьевна, посидев немного в беседке, собрались уходить, к зданию корпуса подъехал черный лимузин. Первым вышел водитель, открыл дверцу со стороны пассажирского места. С сидения поднялся высокий седовласый мужчина лет шестидесяти. Санитары подбежали, открыли дверь салона. Но не успели они полностью открыть дверь, как из машины, в распахнутой дубленке, с громкой бранью, колотя всех, кто попадался под руку, вылез молодой парень. Он так громко орал и ругался таким изощренными словами, что Нелли повернула голову в его сторону. В ее глазах читалось недоумение и одновременно интерес. Жанна Юрьевна сразу заметила эту перемену в состоянии больной и очень обрадовалась. Значит, есть надежда, что Нелли выздоровеет, и будет снова жить полноценной жизнью. Взяв на себя смелость первооткрывателя, Жанна Юрьевна засмеялась и сказала:

– Нелли, ты только посмотри, кто к нам пожаловал! Давненько его не было. Это Жорик! Видимо, хорошо справил Новый год. Посмотри, что вытворяет!

А Жорик разошелся не на шутку. Он отчаянно бил руками и ногами санитаров, затем оглянулся на седого мужчину и зло выругался:

– Ах, это ты, гад, меня сюда опять приволок! В этот «санаторий»! Сволочь ты, папочка, настоящая сволочь!

Но мужчина молчаливо стоял и только смотрел, как с Жориком расправляются санитары. Когда парня затолкали в корпус, и за ним закрылась дверь, мужчина невозмутимо сел в машину, которая сразу же выехала с территории больницы.

Нелли еще несколько минут смотрела в ту сторону, где только что разыгралась сцена с несколькими действующими лицами. На ее лбу собрались морщинки, она, как будто пыталась что-то понять или вспомнить. Потом она медленно повернула голову, посмотрела на Жанну Юрьевну и спросила:

– Кто это?

Жанна Юрьевна воодушевилась и ответила:

– О, это очень известный здесь молодой человек. Он скоро успокоится, поест витаминов, посидит на диете, поздоровеет, ведь так отдыхать, как он, сколько сил нужно, правда?

Нелли неожиданно кивнула и оглядываясь по сторонам, спросила

– Здесь санаторий?

– Да-да, конечно, – подтвердила Жанна Юрьевна, – здесь всем очень хорошо отдыхать.

– А где моя семья? Где Дима, где Венечка? Я хочу их видеть, – Нелли сказала, на удивление, длинную фразу. Это был уже прогресс!

– Они скоро приедут, пойдем, уже надо обедать, – поспешно ответила Жанна Юрьевна.

Вернувшись с Нелли в палату и проведя с ней необходимые процедуры, Жанна Юрьевна направилась с внеурочным докладом к Веронике Геннадьевне, благо она сегодня дежурила. Нелли осталась в палате с медсестрой.

Выслушав доклад сиделки, Вероника Геннадьевна решила внести некоторые коррективы в распорядок дня своей пациентки. С этого момента родственникам и знакомым было разрешено навещать Нелли чаще и совершать совместные прогулки.

Родители и Дмитрий чередовались. Дмитрий старался выбираться к жене каждые три-четыре дня, как позволяла работа. Они гуляли по аллеям больничного парка, Дмитрий говорил о своей компании и будущих планах, об общих знакомых. Он пытался вызвать Нелли на разговор, заинтересовать ее беседой, так как уже знал от врача, что Нелли начала разговаривать, хотя односложные и порой весьма отвлеченные фразы трудно было назвать разговором, но, все равно, это было продвижение вперед. Но в состоянии Нелли это был явный прогресс!

Нелли слушала мужа, и изредка на ее лице появлялась слабая улыбка. Дмитрий старался избегать тем, прямо или косвенно связанных с гибелью сына, или вообще, с детьми. Дмитрию и самому было тяжело говорить на тему о детях, к тому же, это было и строгое указание Вероники Геннадьевны. Врач сказала Дмитрию:

– Нелли сейчас проходит фазу остаточных толчков, ее психическое состояние реорганизуется. И наша общая задача обратить ее к будущему, нацелить на построение дальнейших жизненных планов. Но пока не затрагивайте детских тем. С Нелли обязательно нужно будет об этом говорить, но намного позже того периода времени, какой бывает в среднем у других людей, потерявших близких, – помолчав пару секунд, Вероника Геннадьевна добавила:

– Простите меня, я знаю, что Вам самому крайне тяжело. Но, как врач, я вижу, что Ваш организм справился без медицинского вмешательства, а психика Вашей жены оказалась очень неустойчивой, и возможные патологические изменения могут быть опасны. И в первую очередь, для нее самой. Но будем надеяться на лучшее, к тому же, основания для этого есть. Поэтому, приезжайте, навещайте, говорите с ней на различные темы как можно больше. Она должна заново привыкнуть к окружению своих родных, постепенно сжиться со своим настоящим и не хоронить себя в прошлом. К тому же, лекарственные препараты уже оказали свое действие, нам удалось заблокировать развитие негативного процесса, но до полного выздоровления еще далеко.

Январь выдался морозный и солнечный. Но Нелли никогда не чувствовала холода. Одетая в шубу из натурального меха, идя под руку с Дмитрием или с кем-либо из родственников, она смотрела вниз на искрящийся снег или поднимала голову вверх. Иногда она останавливалась и, глядя на небо, что-то беззвучно шептала. Идущие рядом с ней люди, замирали, боясь что-либо спросить. А однажды, гуляя вместе с Дмитрием (неутомимая Жанна Юрьевна обычно сопровождала поодаль), Нелли увидела на ветках березы нахоливших снегирей. Их красные грудки сверкали на солнышке, и они казались яркими шариками на новогодней елке.

– Снегири, – Нелли остановилась, показывая Дмитрию на птичек. Дмитрий с радостью отметил, что жена даже вспомнила, как называются птицы.

– Как жалко, что нет Венечки, он бы обрадовался, – Нелли говорила спокойно, и Дмитрий не мог понять, отдает ли она себе отчет в том, что говорит. Но потом Нелли произнесла фразу, и Дмитрий с глубоким сожалением понял, что жена еще в прошлом.

– Почему Венечка не приехал, он заболел?

Дмитрий молчал, не зная, что ответить. Он смотрел на жену и видел, как в ее глазах появляется испуг, лицо меняется на гримасу, она вот-вот начнет рыдать. Дмитрий обнял жену, прижал к себе. Подбежала Жанна Юрьевна:

– Нелли, дорогая, пойдем скорее, холодно.

Они вернулись в корпус. Жанна Юрьевна сделала Нелли укол. От обеда Нелли отказалась, легла и вскоре уснула, подействовало лекарство. Жанна Юрьевна посоветовала Дмитрию уехать.

Дмитрий ехал в Москву, с силой сжимая руль автомобиля. По щекам его текли слезы.

Тянулись дни, недели, месяцы. Наступила весна. Общее состояние здоровья Нелли шло на поправку. Во всяком случае, ее внешний облик был намного лучше, чем раньше, когда она поступила в клинику. Она уже не выглядела старухой, но по-прежнему была взрослее своих лет. Серо-зеленый цвет лица сменился на бледно-розовый, щеки округлись. В теле не было изможденности. Болезненное состояние души выдавали только глаза да тусклость волос. У Нелли теперь была короткая стрижка. Длинные роскошные волосы, имеющие когда-то неповторимый оттенок, спадающие крупными волнами на плечи, гордость ее мужа, исчезли. Дмитрий всегда раньше любовался своей длинноволосой красавицей-женой, он не признавал стрижек. Теперь волосы Нелли потеряли свой природный блеск, были редкими и седыми, и коротко подстриженными.

Выписали Нелли в конце апреля. Дмитрий получил подробную выписку из истории болезни и рекомендации лечащего врача. Напоследок он спросил Веронику Геннадьевну:

– И все-таки, доктор, я очень боюсь, когда мы приедем навестить сына, – Дмитрий откашлялся, – когда будем стоять у его могилы, вдруг с женой что-нибудь опять случится, что тогда?

– Как скоро Вы собираетесь поехать? – спросила врач.

– Вместе с Нелли? Не знаю, – медленно ответил Дмитрий, – год будет в августе.

– Раньше и не надо. Не форсируйте события, пока она сама не захочет съездить к сыну, – ответила Вероника Геннадьевна.

– А если она, вообще, не захочет? – спросил Дмитрий.

– Этого не может быть, она же – мать, – ответила врач.

– Нет, Вы меня не правильно поняли, если она не захочет ехать именно на могилу? Понимаете, на могилу. Она периодически вспоминает о сыне, как будто ничего не произошло. Венечка в ее сознании еще живой.

– Да, это действительно так, – сказала Вероника Геннадьевна, – но было бы хуже, если она, вообще, забыла, что у нее был ребенок. Длительность реабилитации у всех разная. Это состояние сменится другим. С Нелли все будет в порядке, это я Вам говорю, как врач.

– Может быть, Нелли еще рано выписывать? – робко спросил Дмитрий.

– Нет, не рано, – ответила Вероника Геннадьевна, – в любом лечении есть свои плюсы и минусы. Как известно, могут быть побочные эффекты, важно, не перегнуть палку. Сейчас Нелли нужно заканчивать реабилитацию в домашних условиях, и Вы ей, пожалуйста, в этом помогите. Будьте рядом с ней, чтобы она чувствовала Вашу поддержку. Ей так будет легче ОСОЗНАТЬ утрату и смириться с ней, – врач специально сделала акцент на слове «осознать».

На деревьях уже зазеленели почки, воздух был наполнен свежестью. Из квартир на улицу потянулись бабушки с внучатами, молодые мамы с колясками. Во дворах стояло радостное детское щебетанье.

Нелли сидела с матерью на заднем сиденье. Дмитрий вел машину. Анна Федоровна пыталась разговорить дочь. Но Нелли отвечала односложно, смотрела в окно. Они проезжали по оживленным улицам. Нелли отвыкла от городского шума и воспринимала действительность с некоторой опаской. Дмитрий время от времени бросал взгляд на зеркальце, пытаясь рассмотреть лицо жены, уловить ее состояние. А Нелли не понимала, что с ней происходит. Вернее, не осознавала. Длительное лечение, долгое отсутствие, приближение к дому, в котором она

когда-то была счастлива. В памяти клоками всплывали отдельные, не связанные друг с другом картины.

Сердце гулко стучало.

Когда подъехали к дому, Нелли вдруг вцепилась в ручку машины. Несколько минут она так сидела, не шевелясь. Потом она посмотрела на Дмитрия, в глазах ее читалась боль. «Вспоминает», – пронеслось у Дмитрия в голове. Он попытался улыбнуться как можно беззаботнее:

– Дорогая, я сейчас выйду, открою дверцу, помогу тебе, хорошо?

Нелли кивнула. Дмитрий вышел, подал жене руку. Анна Федоровна вышла с другой стороны. Дмитрий вытащил из багажника сумку с вещами жены, поставил машину на сигнализацию. Анна Федоровна взяла Нелли под руку, повела к лифту.

Нелли входила в квартиру осторожно, как будто она чего-то боялась. Потом, не раздеваясь, прошла в комнату сына. Нелли застыла на пороге, оглядывая всю комнату. Здесь все осталось по-прежнему. Детская кроватка, застеленная любимым покрывалом сына, с изображением Карлсона, столик с аккуратно сложенными альбомом для рисования, карандашами и красками, игрушки, полки с книжками и солдатиками. Нелли подошла к кровати, опустилась рядом на колени, взяла мягкую игрушку сына, которая так и осталась лежать на подушке. Это был медвежонок-коала, с серо-голубым мехом и черным приплюснутым носом. Венечка очень любил своего коаленка и без него никогда не засыпал. Нелли купила эту игрушку, когда Венечка только-только начинал говорить. Нелли тогда объясняла сыну, что это не простой медвежонок, а австралийский, что он ест листья только одного дерева – эвкалипта и называется этот медвежонок – коала. Венечка не мог произнести это сложное для него слово, и он говорил:

– Ко-ла, ко-ля.

Так и получилось, что медвежонок назвали Колей.

Нелли погладила медвежонок Колю, прижала к груди. Несколько минут она молча сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, как будто баюкая ребенка. По щекам беззвучно текли слезы. Затем Нелли положила игрушку обратно на подушку и заговорила быстро-быстро:

– Коленька, ты не плачь, не плачь, Венечка вернется, обязательно вернется. Он заигрался на улице, но скоро придет домой. Обязательно придет.

Дмитрий и Анна Федоровна переглянулись. Анна Федоровна инстинктивно зажала рот руками, чтобы не рыдать, отвернулась и ушла на кухню.

Разговаривая с игрушкой, Нелли постепенно перестала плакать. Потом, продолжая гладить игрушку, улыбнулась какой-то странной нездешней улыбкой. Встала и медленно вышла из комнаты. Дмитрий закрыл дверь в комнату сына.

Нелли прошла в спальню, потом в гостиную. Снова вернулась в холл, прошла на кухню. Не зная, что сказать дочери, Анна Федоровна спросила:

– Нелли, ты хочешь есть?

Нелли посмотрела в сторону матери безучастным взглядом, несколько секунд молчала, соображая, что от нее требуют, потом покачала головой. Снова ушла в спальню, легла на кровать. И так пролежала до вечера. Потом Нелли встала и вышла в коридор, начала одевать плащ. Дмитрий подошел к жене и спросил:

– Нелли, ты куда?

– Мы с Венечкой идем гулять.

Дмитрий посмотрел на жену со страданием. Видимо, Нелли поняла выражение его лица, она опустила на табуретку, закрыла лицо руками и заплакала. Дмитрий обнял жену. Нелли шептала:

– Боже мой, боже мой...

Ночью, лежа в кровати, Дмитрий придвинулся к жене, обнял ее, поцеловал в шею. Он столько времени был один. Но Дмитрий понимал, что Нелли нужно время, чтобы она снова могла воспринимать его как мужчину. Он с нежностью погладил ее по голове:

– Спи, дорогая, я рядом.

Нелли ничего не ответила. Когда Дмитрий уснул, и Нелли услышала его ровное дыхание, она тихо встала и прошла в комнату сына. Зажгла свет и села на кровать. Глядя на игрушечного медвежонка, она улыбнулась и сказала:

– Я пришла пожелать тебе спокойной ночи. Завтра мы пойдем гулять.

Она вернулась в спальню и заснула.

Утром Дмитрий уехал на работу. Нелли осталась дома с Анной Федоровной. За завтраком Нелли выпила чашку чая с печеньем, потом сказала матери:

– Я уйду на улицу.

Анна Федоровна с опаской посмотрела на Нелли:

– Тебе не стоит выходить одной. Я пойду вместе с тобой.

Нелли посмотрела на мать с удивлением:

– Я буду не одна. Я иду гулять с Венечкой и Колей.

Видимо взгляд Анны Федоровны был настолько выразителен, что Нелли поняла: она сказала что-то не то. В ее сознание опять произошел процесс совмещения с реальным временем. Она заплакала и тихо сказала:

– Боже мой, боже мой...

Первый месяц после возвращения Нелли из больницы Анна Федоровна жила вместе с дочерью и зятем. Мать старалась не оставлять дочь одну в квартире. Они вместе выходили на улицу купить продукты или просто подышать свежим воздухом, благо жили недалеко от Битцевского парка. Но Нелли все делала безучастно. Она шла рядом с матерью, которая постоянно вела с ней разговоры о погоде или на подобные темы, отвлекая, как ей казалось, от тяжелых мыслей. Но Анна Федоровна не могла знать, какие мысли посещают Нелли, и есть ли они, вообще.

Они постоянно встречали кого-нибудь из соседей, здоровались с ними. Нелли автоматически кивала головой, иногда улыбалась своей странной, только ей одной понятной, улыбкой. Глядя на Нелли со стороны, можно было сказать, что она находится «где-то не здесь». А бывшие подруги Нелли, вместе с которыми и их детьми она с Венечкой когда-то гуляла, сразу замолкали или тихонько шушукались, когда Нелли с матерью проходили мимо них. Нелли сильно изменилась, и многие знакомые смотрели на нее с сочувствием и жалостью.

Дмитрий приезжал домой очень поздно. Фирма, в которой он работал, переживала смену руководства. Нужно было держаться на плаву, и Дмитрий очень много времени проводил на работе. О больной жене он помнил. Когда Нелли только выписали домой, Дмитрий по несколько раз в день звонил Анне Федоровне узнать, как дела у Нелли. Сама Нелли не подходила к телефону, и Дмитрий разговаривал с тещей. Но работа вскоре захлестнула Дмитрия целиком. Иногда он с горечью сознавал, что воспоминания о трагедии все дальше отодвигаются в прошлое, и облик сына бледнеет в его памяти. А потом у Дмитрия все чаще не оставалось времени позвонить домой.

Но Нелли все-таки выпадали дни, когда у мужа были выходные. Эти дни Дмитрий старался полностью посвятить жене. Они ходили гулять в парк, как и многие семьи. К сожалению, на них больше всего обращали внимание. Даже незнакомые люди. Дмитрий это чувствовал. Или ему так казалось. Теперь его и Нелли нельзя было назвать гармоничной парой. Почему-то этот факт не давал ему покоя. Если Дмитрий остался почти таким же, как прежде, то Нелли была другой. Выглядела старше Дмитрия, хотя в действительности была его моложе. А однажды, гуляя, Дмитрий и Нелли встретили знакомую семью из дома. Вслед Дмитрий случайно услышал, как девочка сказала, обращаясь к своим родителям:

– Кто эта тетя с дядей Димой?

– Это его жена.

– Фу, какая страшная! А где тетя Нелли?

– Тише, – мать оборвала девочку, и Дмитрий уже дальше не слышал их разговор. Он посмотрел на Нелли. Ее лицо ничего не выражало. Возможно, она просто не слышала слова ребенка. Дмитрий искоса рассматривал лицо жены. Действительно, горе сильно изменило ее. Исчезла искрящаяся радость, веселые лучики вокруг глаз, которые когда-то он так любил целовать. Исчезла гордая походка с высоко поднятой головой и копной красивых волос. Дмитрий тяжело вздохнул. Слова ребенка глубоко засели ему в душу.

Дмитрий понял, что следует сменить обстановку. Это необходимо для Нелли, в первую очередь. Он нанял агента. Скорее переехать в другое место, другую квартиру, чтобы ничего не напоминало о трагедии. Нужный вариант нашелся довольно быстро. Квартира, правда, была меньше, но тоже трехкомнатная. Зато район был другой, Дмитрий поменял юг на север. И расположение комнат в квартире было совсем другое. Дмитрий допустил большую оплошность, что не решил вопрос с квартирой раньше, пока Нелли находилась в больнице. Возможно, ее приезд из клиники сразу в другую квартиру благоприятно бы повлиял на состояние здоровья. Начать новую жизнь на новом месте. Удивительно, что в клинике Дмитрию по данному поводу не дали рекомендаций, а сам он догадался поздно. К тому же период нахождения Нелли в клинике совпал со сложностями на работе, хотя эти проблемы помогли Дмитрию справиться с горем. Да и квартира, в которой они жили, находилась в новостройке четырехлетней давности, была просторной и великолепно отремонтирована. Свой дом Нелли раньше называла ласково «гнездышком». Видимо, и Дмитрий надеялся, что они смогут жить здесь и дальше, поэтому мысли о переезде его долго не посещали.

Теперь переезд был делом решенным. Вещи помогали упаковывать самые близкие родственники и друзья. Дмитрий подключил всех, кто, по его мнению, мог помочь Нелли собраться, а заодно и настроить на жизнь в новом месте. Дмитрий боялся, что у Нелли возникнут какие-нибудь вопросы относительно переезда. Но он ошибся. Когда Дмитрий впервые объявил жене, что они переезжают в другую квартиру, Нелли не задала ни одного вопроса. Она и так была немногословна. Но Дмитрий смог прочесть в ее глазах, пусть мимолетное, но что-то, похожее на благодарность. Или ему это показалось.

Нелли укладывала вещи автоматически. Ей помогала подруга Лара. Комнату Венечки освобождали последней. Когда комнату открыли, Анна Федоровна и Лара зашли первыми. Потом вошла Нелли и опять подошла к кровати сына, остановилась в нерешительности. Оглянулась на мать и подругу. «Господи, – от ее взгляда у Лары мурашки пробежали по спине, – она все помнит! А меня уверяют в обратном. Бедная, бедная Нелька! Упаси и сохрани от такого, Господи!». Лара еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Она откашлялась и сказала:

– Нелли, я сейчас принесу коробки, и мы будем складывать вещи, хорошо?

Нелли посмотрела на подругу и сказала тихим бесстрастным голосом:

– Мне ничего не нужно, я возьму только Колю.

Она взяла игрушечного коаленка и вышла из комнаты. Анна Федоровна и Лара переглянулись. Обе беззвучно заплакали.

В новой квартире все было по-другому. Первое время Нелли с трудом ориентировалась в этом пространстве. Она была крайне заторможена. Заходила в комнаты, натыкалась на еще не разобранные тюки и коробки. Останавливалась на некоторое время в нерешительности, соображая, что от нее требуется. Несмотря на пробелы в памяти, она многое делала автоматически. Как будто еще находилась в Той квартире. Шла туда, где по ее мнению должна была находиться кухня, а не маленькая комната, направлялась в спальню, а натыкалась на темную комнату.

Анна Федоровна не забывала о лечении дочери. Нелли постоянно принимала лекарства, какие ей прописали в клинике. Курс психосоматической реабилитации продолжался. Родственники никаким образом не напоминали Нелли о Венечке, не говорили о нем в ее присут-

ствии. Сама Нелли никогда больше не спрашивала о сыне, и родные не знали, что она думает о нем и думает ли, вообще. На всякий случай Нелли не брали на кладбище, на годовщину Дмитрий ездил на могилу сына без жены. Никто и ничто не докучали Нелли тягостными воспоминаниями.

Новая обстановка, а также время, хоть и медленно, но все-таки благоприятно влияли на состояние здоровья Нелли. Она стала замечать окружающих, чем их очень радовала. Стала больше говорить, а также заниматься домашним хозяйством. Все меньше и меньше Нелли пребывала в заторможенном состоянии. Находясь с матерью в магазине, Нелли стала проявлять интерес к покупкам. Поступь ее становилась все более уверенной. Она даже стала одна выходить из дома до ближайшей палатки за хлебом. Правда, Нелли не ездил на лифте, а спускалась и поднималась по лестнице, так как квартира находилась на третьем этаже. И выглядела теперь Нелли тоже намного лучше. Ее тело приобрело прежнюю форму. Только лицо оставалось другим. Как и она сама.

Или Дмитрию все это мерещилось. Он пытался найти в своей жене черты той Нелли, которую сильно любил. И не находил. Дмитрию нужна была его жена Нелли, прежняя, веселая, красивая, ласковая. Ему нужна была семья. Он не оставлял мысли о том, что у него, вернее, у них, еще будут дети. Но ребенка надо было зачать! А Дмитрий не был близок с женой с того самого дня, как случилась трагедия. Когда Нелли вернулась из клиники, Дмитрий боялся заявлять о своих мужских потребностях. Да у него и самого не было острого желания. Сказалось и горе и сильная усталость. Но постепенно все восстановилось. И Нелли теперь находилась рядом. Они по-прежнему спали на одной кровати. Дмитрий решил рискнуть.

Анна Федоровна на выходные дни уезжала к себе домой. В последний месяц она это делала регулярно. Анна Федоровна видела, что дочь чувствует себя лучше, и лишняя опека может ей навредить. Нелли нужно заново обрести себя и начать с мужем новую жизнь.

В один из таких выходных Нелли с Дмитрием вернулись с прогулки. После ужина посмотрели какую-то развлекательную передачу по телевизору. Дмитрий искоса смотрел на жену. Она ни разу не улыбнулась. Потом в полном молчании поднялась. Дмитрий спросил:

– Ты куда?

– Приму душ и лягу спать.

Дмитрий вошел в спальню, когда свет уже не горел. Спросил не громко:

– Дорогая, ты спишь?

– Нет, – тихо ответила Нелли.

Дмитрий юркнул под одеяло, обнял жену. Его обдало жаром ее разгоряченного тела. Он начал осторожно ее ласкать. Нелли всегда раньше быстро откликалась на его ласки. В супружеских отношениях у них была полная идиллия. Но не сейчас. Нелли не реагировала на его прикосновения. Более того, она остановила его руки, сказала:

– Не надо.

– Но, почему, Нелли? Почему?

– Я не могу, – тихо сказала Нелли и заплакала.

Дмитрий с досадой перевернулся на спину. Он почувствовал досаду впервые. Но все-таки погладил жену по голове, поцеловал ее в щеку, сказал:

– Хорошо, спи, в другой раз.

Он встал с кровати и пошел на кухню курить. Когда Дмитрий вернулся, Нелли уже спала или делала вид, что спала. Во всяком случае, он так подумал.

Дмитрий понимал, что жене нужно больше времени. Она еще не окрепла, поэтому он не стал настаивать. Время от времени Дмитрий предпринимал новые попытки, и однажды ему это удалось. Но Нелли не была уже той, как прежде, любящей и страстной. Она оставалась безучастной к любовным играм.

В следующий раз Дмитрий попытался поговорить с женой, настроить ее на то, что им нужен ребенок. Она родит девочку. Обязательно! Дмитрий намеренно не говорил о сыне. Он нежно целовал ее плечи:

– У нас будет маленькая девочка. Как ты. Красивая и умная. Ты хочешь девочку?

– Девочку? – переспросила Нелли, – да-да, и девочку, ведь, у нас уже есть мальчик, Венечка, – Нелли приподнялась на кровати, зажгла свет, посмотрела на Дмитрия неясным взглядом, – я давно не видела Венечку, где же он?

Несколько секунд они с Дмитрием смотрели друг на друга. Дмитрий не знал, что ответить. Вдруг Нелли изменилась в лице, странность во взгляде пропала. Она закрыла лицо руками, ее плечи вздрагивали. Нелли повалилась на кровать. Ее стало тошнить. Дмитрий обнял жену, начал гладить по голове, как маленького ребенка. Мужское желание у него пропало.

Дмитрий решил не докучать жене и не мучить себя, он перебрался на диван в другую комнату, хотя намерения наладить отношения с женой не оставлял. Он так объяснил Нелли свое поведение:

– Дорогая, чтобы твой сон был в порядке, я буду спать в другой комнате. А к тебе буду приходить только по праздникам, хорошо? – Дмитрий натянуто засмеялся.

– По праздникам? – Нелли вновь улыбнулась своей странной улыбкой и посмотрела на мужа, – хорошо.

Дмитрию стало не по себе. Он не знал наверняка, поняла она его сейчас или нет. Правильно ли он поступает? Может быть, еще рано?

А потом случилось несчастье с отцом Нелли. Инсульт. Георгий Сергеевич сильно переживал трагедию дочери и смерть внука. Внешне держался. Каждый день ездил на работу, несмотря на пенсионный возраст. Теперь его парализовало, и Анна Федоровна была вынуждена находиться все время рядом с мужем. Нелли оставалась дома одна. Дмитрий был вынужден договариваться с кем-нибудь из родственников, чтобы они по очереди находились с Нелли. Он все еще боялся за нее.

Подолгу никто с Нелли находиться не мог. Свои дела и житейские проблемы, да и морально тяжело. Вариант платной компаньонки тоже не устраивал, не хотелось иметь в доме чужого человека. И Дмитрий решил уговорить Лару, самую близкую подругу жены, на некоторое время переехать к ним. Несмотря на то, что у нее была своя семья, муж и маленький ребенок.

Но Лара согласилась сразу, так как у нее все было хорошо, и она даже чувствовала что-то наподобие вины перед подругой. Когда-то давно они обе учились в одном классе. Затем обе удачно вышли замуж, Нелли даже на год раньше. Обе родили сыновей и были счастливыми домохозяйками.

Лара, конечно, спросила разрешения мужа. Договорилась со своей матерью, чтобы та присмотрела за ее четырехлетним сыном Никиткой. Лара стала жить у Нелли. Смеялась, что она у Смолиных, как в школе-интернате, на пятидневке. На выходные она уезжала к собственному ребенку.

В доме у Нелли неожиданно для себя Лара стала играть главную роль. Она ввела следующий распорядок дня. Вставала раньше всех и готовила завтрак. После этого она тихонько пробиралась в комнату к Нелли и будила подругу, говоря ей с нежностью:

– Вставай, лежебока, завтрак готов.

Нелли безропотно выполняла все указания подруги. Это отложилось в ее сознании еще с больницы, делать то, что говорят. «Это необходимо Тебе». И больной мозг исполнял команды.

Потом они втроем завтракали. После завтрака Дмитрий уезжал на работу, а Лара вела подругу на прогулку. В основном, это были походы по магазинам. За продуктами или другими

товарами. Задача Лары была заинтересовать Нелли покупками. А в самый первый день Лара отвела Нелли в парикмахерскую. Нелли сделали модную стрижку и покрасили волосы в каштановый, почти ее родной, цвет. Дома Лара сделала подруге макияж:

– Придет с работы Дмитрий, он тебя не узнает. Мы его удивим.

Дмитрий действительно был удивлен внешностью жены и восхищенно сказал Ларе:

– Лара, ты просто волшебница!

Лара вся светилась. Это была только маленькая толика того, что она хотела дать подруге. Ежедневно, по чуть-чуть, она вытаскивала подругу на белый свет из темноты. Нелли не проявляла интереса к своей внешности сейчас, но Лара всячески старалась пробудить этот интерес в подруге:

– Нелли, ты очень бледная, тебе необходим макияж. Тебе необходимо купить что-нибудь новое, веселенькое. Помнишь, ты всегда любила яркие цвета.

Нелли смотрела на подругу, как казалось Ларе, с удивлением, пожимала плечами:

– Правда? Я не помню.

Но уже то, что Нелли что-то помнила или пыталась вспомнить, вопросительно поднимала брови, все эти проявления Лара воспринимала как победу. Лара хотела, во что бы то ни стало, растормошить подругу, пробудить в Нелли участие к жизни, ко всему тому, что происходит вокруг нее.

Нелли «продвигалась» с трудом. Слишком велика была утрата, и очень неустойчива, несмотря на интенсивное лечение, ее психика. К счастью, Нелли поправлялась, очень медленно, но поправлялась.

Лара уже три недели жила у Смолиных. Они все вместе завтракали и ужинали. Лара великолепно готовила, и Дмитрий постоянно нахваливал ее кулинарные блюда. Подруга жены с удовольствием улыбалась, но всегда уточняла:

– Дим, мы готовим вместе, ты же знаешь.

Конечно, Дмитрий знал, что Лара так говорит специально для жены. Он допускал, что Нелли помогает Ларе на кухне, но роль ее минимальна. Когда в выходные дни они с Нелли оставались вдвоем, Дмитрий видел, как жена готовит пищу сейчас, как она режет хлеб, как открывает холодильник. Во всех ее движениях все еще чувствовалась скованность и заторможенность. Нелли могла подойти к столу или другому предмету и остановиться в нерешительности. У нее появилась привычка как-то странно, слегка набок наклонять голову. Вся ее фигура говорила о том, что она соображает, какие действия совершить. Через некоторое время Нелли вспоминала и продолжала начатое. Но все то, что Нелли могла приготовить, не имело вкуса, и Дмитрию оставалось учиться готовить самому.

И теперь, с удовольствием уплетая приготовленный Ларой ужин, Дмитрий говорил:

– Молодцы, девочки, – и гладил Нелли по руке.

Нелли улыбалась. Но эта была совсем другая улыбка, она никак не соответствовала выражению глаз. Дмитрий смотрел на жену, пытаясь понять, о чем она думает. Он переводил взгляд с одной женщины на другую. Он помнил, что когда-то давно Нелли была красивее своей подруги. Она была высокой, стройной, с красивой фигурой и необыкновенными глазами. Глаза искрились радостным блеском. Сейчас эти глаза были безжизненны. В них иногда что-то мелькало, но что? Дмитрий уже не мог понять наверняка.

Лара была шатенкой небольшого роста. Миловидная, хотя красавицей не назовешь. Но с возрастом Лара приобрела шарм счастливой женщины, благодаря чему стала очень обаятельна. И теперь ее вполне можно было назвать красивой женщиной. Даже дома Лара всегда была очень хорошо одета и порхала по кухне как яркая бабочка. Не как какой-нибудь ночной мотылек, а как грациозный махаон или благородный адмирал. Она заразительно смеялась, в ее глазах сверкали веселые лучики. На Лару было приятно смотреть. И Дмитрий смотрел!

Нелли ничего этого не замечала. А Лара видела взгляд мужа подруги и прекрасно понимала, что он означает. Дмитрий остался таким же, как прежде. Красив строгой, не слащавой, мужской красотой. Трагедия почти не отразилась на нем внешне. Он просто выглядел старше своих лет. Ларе Дмитрий всегда нравился. Она даже была в него когда-то влюблена и втайне завидовала своей подруге. Об этом не знала ни Нелли, ни, конечно, Дмитрий. К счастью для Лары, она встретила своего будущего мужа, и все встало на свои места. Влюбленность осталась в прошлом, сохранилось лишь хорошее расположение. И вот сейчас, Дмитрий смотрел на нее так, как когда-то он смотрел на свою жену. Как любой другой женщине, Ларе, конечно, это было приятно, но не более того.

Четвертая неделя пребывания Лары в доме Смолиных заканчивалась. Надо было уже возвращаться домой окончательно. Супруг уже не один раз прозрачно намекал Ларе, что хочет не только по выходным, но и в будние дни спать со своей женой на одной кровати. Да и маленький Никитка скучает по маме целую неделю. Последний разговор с мужем у Лары состоялся в среду, а в четверг Дмитрий вернулся домой позже обычного. Но Нелли с Ларой его ждали. Они старались без него не ужинать. Лара хотела, чтобы Нелли поняла, у нее есть семья. После ужина все вместе посмотрели по телевизору развлекательную передачу. Нелли даже иногда улыбалась и бросала реплики. Невпопад. Но все равно, это было лучше, чем ничего. Дмитрий и Лара переглядывались и тоже улыбались. Затем все трое разошлись спать по своим комнатам.

Около часа ночи Лара вышла из комнаты. Было душно, и ей хотелось пить. На кухне горел свет. Неужели Нелли? Лара быстро прошла в кухню. За столом сидел Дмитрий, обхватив голову руками.

– Дим, что-то случилось, неприятности на работе? – участливо спросила Лара.

Дмитрий поднял голову, посмотрел на Лару. Так получилось, что именно сейчас, Лара надела халат, не завязав поясок. Через распахнувшийся халат Дмитрий видел красивые ноги Лары, округлости груди в глубоком вырезе полупрозрачной ночной рубашки. Распущенные длинные волосы. Лара не успела опомниться, как Дмитрий моментально оказался около нее, а она в его объятиях. Они смотрели в глаза друг другу. «Это – наваждение», мелькнуло в голове у Лары. Дмитрий поцеловал Лару в губы. Поцелуй был сильный, горячий и глубокий. Лара чувствовала, как будто она попала в омут, что хочет выбраться на поверхность и не может, ее стремительно тянет вниз. Через мгновение наваждение пропало, и она ясно ощутила, как по спине пробежали мурашки. Лара оттолкнула Дмитрия и оглянулась. В проеме двери стояла Нелли.

– Нелли, дорогая, – Лара бросилась к подруге, – пойдем в комнату.

Нелли смотрела на мужа. Оба молчали. Дмитрий не знал, что говорить, и нужно ли это делать. Лара вглядывалась в лицо подруги. «Она все поняла, все поняла, господи...». Нелли повернулась и прошла обратно в комнату. Лара присела к ней на кровать, из глаз у нее текли слезы:

– Дорогая, извини меня, я что-то сделала не то. Ничего не случилось, ничего. Все хорошо, дорогая. Я люблю тебя, и Дима тебя очень любит. Мы все тебя любим.

Она сильно сжимала руку Нелли. Нелли легонько сжала ее руку и вполне осознанно сказала:

– Я знаю. Иди спать.

Лара поцеловала подругу. Встала и со слезами на глазах вышла из комнаты. Через несколько минут Дмитрий вошел в спальню к жене. Он тоже взял ее за руку. Рука Нелли казалась ему безжизненной. Он поцеловал кончики пальцев, сказал глухим, чужим голосом:

– Прости меня, если сможешь. Я не знаю, что на меня нашло. Я люблю только тебя, ты же знаешь... Можно мне остаться с тобой?

Нелли медленно отняла руку, покачала головой:

– Не сегодня, ... пожалуйста, уйди...

Дмитрий поднялся с кровати, вышел из комнаты, тихо закрыл за собой дверь. Нелли смотрела вслед мужу. В ее измученной голове проскакивали картинки из прошлого ее когда-то счастливой семьи. Никто из людей никогда наверняка не знает, когда в жизни начинается следующая точка отсчета. И Нелли не знала. Она только чувствовала своим израненным сердцем глухую боль. По щекам ее текли слезы.

Судьба готовила Нелли еще одно испытание.

Лара уехала на следующий день. Теперь Нелли была полностью предоставлена сама себе. Дмитрий возвращался домой поздно, но днем старался позвонить жене, хотя с каждым месяцем его ежедневные звонки становились все реже. Они обменивались односложными, ничего не значащими фразами. К разговору о той ночи ни Нелли, ни Дмитрий никогда больше не возвращались. Возможно, Нелли об этом и не помнила. Во всяком случае, Дмитрию так думать было удобно.

С момента отъезда Лары Дмитрий стал ловить себя на мысли, что он все с меньшей охотой возвращается домой. Несмотря на то, что это был его дом, а дома была его жена, его Нелли. Дмитрий видел, лечение пошло Нелли на пользу, она стала вести себя вполне нормально, и он уже не боялся оставлять ее дома одну. Но все было не так, как прежде. Дмитрий понимал, что, по-прежнему быть уже не может. Та жизнь закончилась с гибелью сына. Безвозвратно. Сына нельзя воскресить. Дмитрий стремился начать новую жизнь, а Нелли все еще оставалась в прошлой.

Дмитрий с грустью вспоминал, какая жена была раньше. В ней было столько шарма, и какая-то особая, только ей присущая, изюминка. Она заливисто смеялась, ее глаза лучились счастьем, в ней жила искорка. Он помнил, что когда-то с работы мчался домой. Ни друзья, ни партнеры по бизнесу не могли его заставить пробыть с ними больше, чем это требовалось по этикету. Дмитрий летел домой. Ведь дома была Нелли – любящая и все понимающая жена, умница, красавица, великолепная хозяйка и страстная женщина. Теперь ничего этого не было. «Ни-че-го», – проговаривал про себя Дмитрий.

В настоящее время его дома ждали невкусный ужин и «холостяцкая» постель, как Дмитрий с ухмылкой называл свой диван, и Нелли с ее новой внешностью, к которой Дмитрий никак не мог привыкнуть. Он помнил, что раньше, уложив сына спать, они вдвоем долго просиживали на кухне. Дмитрий мог часами, если позволяло время, беседовать со своей собственной женой. Он рассказывал ей о работе, политике, проблемах бизнеса. Его всегда интересовало мнение жены. Нелли внимательно слушала мужа и делала тонкие замечания. У них находилось множество общих тем для разговора, они были просто неисчерпаемы. Бывало, они спорили, и каждый старался доказать свою точку зрения, с позиции мужчины или с позиции женщины. Во время таких споров у Нелли ярким блеском вдруг вспыхивали глаза, щеки чуть краснели, она становилась необыкновенно красивой, доказывая свою правоту. У Дмитрия даже дух захватывало. Все такие споры обычно заканчивались в спальне. Дмитрий хватал в охапку жену, и они потом еще полночи находились в состоянии бешеной страсти. И неважно, что Дмитрию надо было рано вставать на работу, после такой ночи ему хватало двух-трех часов на сон, и он уезжал из дома в абсолютно бодром состоянии.

А сейчас Дмитрий не знал, о чем ему говорить с Нелли. Она часто теряла смысл разговора, неожиданно замолкала или начинала вдруг говорить совершенно на другую тему. В гости или в театр вместе они уже не ходили. Сначала было не до этого, а потом Дмитрий вдруг понял, что стесняется жены. У него появилась навязчивая привычка – сравнивать Нелли с другими женщинами, чужими женами, подругами друзей. К Нелли он стал испытывать легкое раздражение, которое с каждым днем росло. Возможно, Дмитрию просто не хватило терпения.

Дмитрия стало раздражать, как Нелли одевается. Раньше у его жены был безукоризненный вкус, но теперь Нелли могла надеть на себя все то, что подвернулось под руку, что не соче-

тается ни по цвету, ни по стилю. Могла накраситься слишком ярко, что становилась похожей на дешевую проститутку. Дмитрию приходилось, еле сдерживаясь, чтобы не повысит голос, настаивать на смене макияжа. Иногда, устав на работе больше обычного, он срывался:

– Я же просил тебя так не краситься!

Потом Дмитрий спохватывался и начинал извиняться:

– Дорогая, прости, я сорвался.

Но было уже поздно, у Нелли начинали дрожать губы:

– Тебе не нравится? Я так старалась. Хорошо, я все смою...

Она уходила в ванную и долго не появлялась. Когда возвращалась, Дмитрий не мог смотреть на нее без жалости, настолько Нелли выглядела поникшей, безжизненной и постаревшей.

В ее, еще неустойчивом сознании жила любовь к мужу. Благодаря лечению и точным Лариным наставлениям, из памяти Нелли время от времени импульсами выскакивали напоминания, что к приходу мужа ей нужно приготовить вкусный ужин, убрать квартиру, а самой быть красивой и привлекательной. Ведь Нелли когда-то была образцовой домашней хозяйкой. Но мысли набегали одна на другую и перемешивались. Ее обычная заторможенность сменялась метанием. Нелли начинала готовить еду, потом вдруг «вспоминала», что в доме нет какого-нибудь продукта, одевалась и шла в магазин за покупками, хотя все необходимые продукты находились в холодильнике. Они были куплены накануне или раньше, в выходные дни, когда они с Дмитрием вместе выбирались в ближайший универсам. Но Нелли об этом забывала. Иногда Нелли, вообще, приходила в магазин без денег. Кошелек оставался дома, или он был пустой. Дмитрий не успел положить деньги на мелкие расходы, а Нелли не помнила, что надо проверить, как она это делала раньше.

Возвратившись из магазина, Нелли начинала приводить себя в порядок. Она доставала из шкафа свою одежду, раскладывала на кровати и долго примеряла, что ей надеть. За это время на кухне что-то пригорало и к приходу Дмитрия превращалось в совершенно неупотребляемое блюдо. В довершение всего Нелли опять встречала Дмитрия в неудачно сочетаемой одежде и неподходящем макияже. У нее никак не получалось нормально совместить все. Нелли улыбалась мужу, ожидая его одобрения. Дмитрий натянуто улыбался, хотя на душе у него было тоскливо, и в душе была только одна мысль: «лучше бы она всего этого не делала». Но он старался говорить ей мягко:

– Дорогая, не надо к моему приходу стремиться быть королевой. Меня вполне устроит только вкусный ужин.

Нелли пыталась делать так, как говорит муж. «Вкусный ужин». На следующий день или еще несколько дней она, казалось, об этом помнила, и у нее иногда получался вполне сносный обед. Они сидели друг напротив друга. Нелли была бледная, без макияжа, глаза выражали растерянность. Отросшие после стрижки волосы были собраны в хвост, а не струились крупными локонами. Седина белела на висках и проступала пятнами у корней окрашенных волос.

Да, супруги Смолины жили вместе, в одной квартире. Но у каждого давно была своя жизнь. Теперь их ритм не совпадал. Смерть сына развела мужа и жену по разные стороны. Нелли шла своей дорогой медленно. Кризис прошел, и сейчас ей была нужна постоянная поддержка мужа. Каждый день, каждый час. Но Дмитрий не мог находиться около жены постоянно. И никого из родных людей рядом тоже не было. Анна Федоровна выхаживала своего мужа, отец Нелли очень тяжело перенес инсульт и теперь передвигался в инвалидной коляске. Еще оставалась Лара. Но Лара больше не приезжала, хотя звонила часто. Несмотря ни на что, подруги сохранили привязанность друг к другу, и Нелли ни разу ей ничего не сказала. Вероятно, она не помнила. А возможно, Лара вымолила прощение у Господа Бога.

Редкие попытки Дмитрия наладить семейную жизнь успехом не увенчались. Нелли никак не могла переступить невидимый барьер. Этот барьер находился внутри ее сознания, в его самой темной, глубокой части, где болезнь еще жила. Находясь в постели вместе с мужем,

у Нелли не получалось отвечать на его ласки. Внутри все немело, тело становилось деревянным. Из темноты сознания всплывали обрывки тягостных воспоминаний. И тогда ее начала колотить мелкая дрожь, к горлу подступала тошнота. Дмитрий вздыхал. От безысходности происходящего и полной неудовлетворенности он скрежетал зубами, и снова перебирался на диван. А потом он просто перестал приходить к Нелли в спальню. Сама Нелли ни на чем не настаивала. Наверное, она боялась снова разочаровать мужа или боялась чего-то другого. Может быть, Нелли и не думала обо всем этом и продолжала жить в своем, только ей одной понятном мире.

Дмитрий уже не испытывал к Нелли влечения. Он копался в себе, за что бы ему зацепиться, чтобы сохранить их с Нелли союз. И не находил. Дмитрий совершенно устал от такой семейной жизни. Он много пережил. И он устал. На работе также все происходило не гладко. Смена партнеров, борьба за руководящие должности. Все, как положено в этом мире. Дмитрий находился на взводе, в состоянии постоянного раздражения. От той жизни, которую они с Нелли когда-то создали вместе, не осталось и следа. Все закончилось, в лоне семьи плескались лишь одни обязательства.

Домой Дмитрий уже не спешил. Каждый раз находил повод, чтобы задержаться. Прежние обязательства в нем еще жили, и он периодически звонил Нелли, предупреждая, что вернется поздно. Да, конечно, у него действительно было много работы, хотя это было полуправдой, и Дмитрий как бы оправдывался. Нелли все принимала за чистую монету, безропотно и без расспросов.

Нелли жила дома. Дмитрий вне дома. На нужных для бизнеса корпоративных вечеринках он появлялся один. Дмитрий был лакомым кусочком, вокруг него вились другие женщины. И Дмитрий сделал шаг. Остановиться он уже не смог.

С момента гибели Венечки прошло четыре года. А еще через полгода Дмитрий встретил женщину, с которой захотел начать новую жизнь и создать семью.

Решение разойтись принял Дмитрий. Когда-то его и Нелли связывали любовь, понимание, одно счастье на двоих, вернее, на троих. Теперь веревочки, которые их связывали, стали рваться. Одна, другая, третья... Сейчас уже не связывало ничего.

Нелли не смогла одновременно восстановить здоровье и сохранить семью. Ей нужно было больше времени. Нелли не выстояла, у нее не хватило сил противостоять судьбе.

Решение мужа Нелли приняла как данность. Без истерик, ругани и лишних расспросов. Она, вообще, в последние годы делала то, как ей советовали или просили. Родные говорили: «тебе так будет лучше», и Нелли соглашалась. Дмитрий поступил точно так же. Разговор состоялся после ужина. Дмитрий весь день на работе обдумывал, как ему сказать Нелли о своем решении. Он начал издали:

– Знаешь, в последнее время я поздно прихожу домой, ты устаешь меня ждать. Готовишь еду, а я еще часто не доволен, – Дмитрий пытался непринужденно улыбаться, но у него это плохо получалось.

Нелли смотрела на мужа настороженно, молчала. Дмитрий не мог понять, улавливает ли она нить разговора.

– Тебе, наверное, это в тягость, – Дмитрий продолжал, потом кашлянул и добавил, – нам лучше жить отдельно.

– Почему? – Нелли посмотрела на мужа.

– Ты же знаешь, я давно живу на диване, – Дмитрий взглянул на Нелли и добавил, – ты понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю, – тихо сказала Нелли, она говорила медленно, с остановками, осмысливая каждое слово, – но, я, ...но, мы, ... ты хочешь... развестись со мной?

«Поняла», – облегченно подумал Дмитрий и вслух ответил:

– Да, так будет лучше, и тебе, и мне.

Нелли посмотрела на мужа взглядом, которому он не мог дать точное определение. В этом взгляде отражалась смесь чувств, которая наполняла ее израненную душу. Смесь безысходности, безнадежности и безразличия. Взгляд был как бы потусторонний, нездешний. Потом Нелли моргнула, сказала обыденным голосом, Дмитрий удивился, что она так спокойна и рассудительна:

– Хорошо, я согласна, раз так будет лучше. Тебе... и мне...

– Ты не бойся, – поспешил заверить Дмитрий, – я буду тебя содержать.

Но Нелли, вероятно, уже его не слышала. Она молча поднялась и вышла из кухни.

В эту ночь Нелли почти не спала. Она лежала на кровати и смотрела в окно. Сквозь не задернутые занавески струился свет. Аккуратный лунный диск, как будто нарисованный циркулем, висел в темноте окна. Нелли смотрела на этот яркий диск, и из ее глаз сами собой тихо вытекали слезы. Она не рыдала. Нет. Просто в голове была бездонная черная пустота, Нелли не видела никаких картинок. Она беззвучно плакала и улыбалась той самой улыбкой, которую не мог выносить Дмитрий. Заснула Нелли только под утро, когда начало светать. Она не слышала, как Дмитрий зашел в комнату и взглянул на нее. «Ну, слава Богу, спит», – с облегчением подумал Дмитрий и вышел из комнаты.

Нелли и Дмитрий развелись. В ноябре 1999 года. В декабре разменяли квартиру. Нелли переехала в небольшую однокомнатную квартиру. И с этого дня у нее пошел отчет самостоятельной жизни.

Снова с переездом помогала Лара. Она руководила и нанятыми Дмитрием грузчиками, и занималась расстановкой мебели. Нелли оставалась безучастной к происходящему, она механически складывала вещи и запаковывала коробки. Когда все было перевезено, и Лара закрыла дверь за последним рабочим, Нелли села в прихожей на коробку, положила руки на колени и долго смотрела в одну точку. Она была бледна и выглядела очень уставшей. Лара села рядом с подругой, обняла за плечи и заплакала:

– Нелька, Нелька, я не смогу быть с тобой, мы надолго расстанемся. Муж подписал контракт, мы уезжаем в Америку на три года. Боже мой!

Нелли повернула к Ларе лицо. Лара с удивлением обнаружила, что Нелли грустно улыбнулась.

– Не плачь, – сказала Нелли, – ты же будешь мне писать письма?

– Да, да, конечно, – с готовностью ответила Лара, вытирая слезы, – часто-часто.

Потом Лара помолчала и добавила:

– Дорогая, прости меня.

– За что? – спросила Нелли, и ее огромные, теперь уже всегда, грустные глаза увлажнились.

– За..., – Лара медлила с ответом, – за то, что меня не будет рядом.

Нелли вздохнула и тихо сказала:

– Значит, так нужно.

Несколько месяцев Нелли привыкала к новому месту жительства. Она почти не выходила из квартиры. Только за самым необходимым. Ела Нелли мало. Купленных продуктов хватало надолго.

Дважды приезжал Дмитрий. Он привез Нелли сберкнижку и счета на оплату коммунальных услуг.

– Я буду регулярно переводить деньги на твой счет. Сбербанк в соседнем доме. Звони, когда тебе будет нужно.

Нелли пристально посмотрела на бывшего мужа:

– Ты собираешься жениться?

Дмитрий смутился. Он не ожидал, что Нелли может задать ему такой вопрос.

– Тебе это неприятно?

Нелли покачала головой и опять повторила заученную фразу:

– Нет, значит, так нужно...

От Лары приходили письма, а также денежные переводы. Нелли хватало средств на жизнь. Если бы сейчас Нелли требовалось найти работу, то сделать это ей было трудно. После окончания института она сразу вышла замуж и вскоре родила ребенка. В семье был достаток, а сама Нелли была домохозяйкой. Практики работы по специальности не было. Да и где работать ей сейчас? И кем? После всего того, что случилось. Пока у Нелли, не возникали мысли о работе как о средстве к существованию. Она, к счастью, не бедствовала. И это было снисхождение свыше.

Когда наступила весна, Нелли стала выходить на улицу ежедневно. Даже в плохую погоду. И стала подолгу не приходиться домой. Нелли прогуливалась по улицам, разглядывала витрины магазинов, иногда заходила внутрь, когда надо было купить продукты или какие-либо хозяйственные вещи. Но однажды Нелли случайно зашла в комиссионный магазин и увидела в одном из отделов соломенную шляпу с огромными полями и красным цветком на боку. Нелли долго примеряла шляпу с интересом ребенка, а потом ее купила. Выйдя на улицу, Нелли тут же надела эту шляпу, несмотря на то, что на улице было совсем не жарко. Нелли не понимала, что подобная шляпа могла быть уместна на южном курорте, но никак не в Москве, где даже в солнечную погоду бабушки-пенсионерки постеснялись бы надеть такой головной убор. Нелли ни о чем этом не рассуждала. В ней будто что-то ожило. Она шла и улыбалась, а люди смотрели на нее с удивлением, обращившись в след.

В этой шляпе Нелли появлялась на улице вплоть до глубокой осени. Нелли пришила к шляпе атласные голубые ленты, чтобы ветром головной убор не срывало, и завязывала ленты бантом под подбородком. Перед выходом на улицу она теперь долго прихорашивалась перед зеркалом. Это стало чем-то вроде ритуала. Нелли причесывалась, красила глаза, накладывала румяна и тени. Макияж был далек от совершенства, но Нелли казалось, что она очень хорошо выглядит, и это ей придавало уверенности. На улице Нелли не замечала, что некоторые прохожие, оглядываясь на нее, вертели пальцем у виска, и не слышала, как толпившиеся обычно вечером у подъезда подростки частенько беззлобно бросали ей вслед: «опять наша ненормальная куда-то пошла».

Понемногу Нелли освоилась на новом месте. Если раньше она не уходила далеко от дома, ее пугало, что она не найдет дорогу обратно, то теперь маршруты становились длиннее. Нелли открывала мир заново. В основном, она ходила пешком, лишь изредка пользовалась наземным транспортом. Подземку Нелли не любила и раньше, а теперь она никак не могла заставить себя спуститься в метро и подсознательно избегала этого вида транспорта.

К родителям Нелли не ездила, для нее это было пока очень далеко. Она созванивалась с матерью по телефону. Анна Федоровна была крайне обеспокоена разводом дочери, и сначала хотела забрать Нелли к себе, но потом передумала. Анна Федоровна была сильно привязана к своему мужу, и, кто знает, как каждодневное присутствие несчастной дочери может повлиять на его здоровье. Анна Федоровна решила не экспериментировать, и успокаивала себя тем, что дочь уже достаточно окрепла, может жить самостоятельно и строить свою личную жизнь.

И Нелли осталась проживать одна. Она находилась в многомиллионном городе, где так же жили другие ее родственники и когда-то общие с мужем друзья, но у каждого из них была своя собственная жизнь, теперь совершенно не связанная с жизнью Нелли. Нелли плыла по жизни в одиночку.

Самым родным и близким для Нелли существом в последние годы оставался игрушечный медвежонок коала Коля. Нелли продолжала брать его на прогулки и засыпала вместе с ним. Этот медвежонок был единственным, кто постоянно находился рядом с ней. Нелли разговаривала с ним, рассказывала сказки. Она усаживала его на стул или стол, когда готовила еду или ела. Она читала игрушечному медвежонку детские книжки. Эти книжки Нелли случайно нашла у себя в квартире на балконе. Она не знала, что Лара запаковала в коробку книжки Венечки и перевезла вместе с другими вещами. Нелли никогда не включала ни телевизор, ни видеомагнитофон, хотя вся техника была в исправном состоянии и удобно расположена в комнате. Лара позаботилась и об этом, чтобы подруга могла себя занять хотя бы просмотром передач или фильмов. Но Нелли обычно вечерами забиралась с ногами на кровать, усаживала медвежонка к себе на колени и перечитывала ему вслух книжку за книжкой. Эти книжки, местами уже потрепанные, были частью ее жизни, тем связующим звеном, той ниточкой, которые вытягивали Нелли из небытия.

К началу июля Нелли окончательно прижилась на новом месте, чувствовала себя вполне хорошо и спокойно. Она узнала, что в нескольких кварталах от ее дома есть парковая зона и красивые пруды. В теплую погоду, а особенно в выходные дни, здесь всегда было много отдыхающих. Нелли тоже стала приходить в эти места. Ей очень нравились именно пруды. Нелли всегда медленно шла вдоль берега, бросая уткам хлеб, который заблаговременно покупала. Когда к Нелли подплывал целый выводок, она надолго останавливалась, с улыбкой разглядывала взрослых птиц и утят, проворно заглотивших кусочки лакомства. Если были свободные места на лавочках, Нелли садилась, вынимала из сумки медвежонка, показывала ему на уток или что-нибудь другое, казавшееся ей примечательным.

Однажды, в середине августа, Нелли, по своему обыкновению, сидела напротив пруда. Был будний день. Рядом с ней на лавке никого не было. Нелли сидела на самом солнцепеке, но ее экстравагантная шляпа превосходно защищала от палящих лучей. Нелли с удовольствием грызла яблоко. Медвежонок был вынут из сумки и заботливо прислонен к спинке лавки.

Вдоль пруда проходили молодые женщины с колясками, бегали дети, вразвалочку прогуливались пенсионеры. Вдруг к лавке, где сидела Нелли, подбежала девочка лет пяти-шести. Девчушка была одета в красивое платьице, на голове у нее была маленькая кружевная шляпка. Она забралась на лавку и весело заболтала ногами. Некоторое время Нелли и девочка с удивлением и интересом смотрели друг на друга. Затем Нелли достала из сумки второе яблоко и протянула девочке. Девочка сразу откусила кусочек, потом с любопытством посмотрела на медвежонка и спросила у Нелли:

– А как его зовут?

– Коля, – ответила Нелли.

– А он – чей? – девочка продолжала задавать вопросы.

– Мой, – удивилась вопросу Нелли.

– Твой?! – в свою очередь, удивилась, девочка, – не может быть. Это же детская игрушка!

– Это не игрушка, это – Коля, – с некоторой обидой в голосе ответила Нелли.

– Правда? А можно мне с ним поиграть? – спросила девочка, протягивая к медвежонку руку.

Но Нелли опередила девочку, она схватила медвежонка и прижала к груди. Ее сердце сильно билось. От страха, что девочка может забрать медвежонка, единственно дорогое ей существо, и убежать, Нелли не могла вымолвить ни слова. Глаза ее округлились, она с испугом смотрела на ребенка. Девочка не ожидала такой реакции от взрослого человека, она поджала губы и собралась плакать:

– Тебе жалко, да?

Подбежала мать девочки. Она схватила дочь за руку и с силой сдернула ребенка с лавки. Женщина отобрала у девочки яблоко, которое дала Нелли, и отбросила в сторону:

– Не смей ничего брать у чужих людей!

Потом молодая мать грубым тоном обратилась к Нелли:

– А Вам нечего чужих детей приманивать, своего надо иметь, сидит тут краля!

Женщина отвела девочку в сторону и стала ее отчитывать:

– Зачем ты сюда подошла? Ты, что, не видишь, что это ненормальная тетя? Пойдем сейчас же!

К счастью для Нелли, она не слышала, что ребенку сказала мать. Девочка с удивлением оглянулась на Нелли, как будто уточняя, действительно ли тетя ненормальная. Они встретились глазами. Девочка пожала плечиками и сделала недоуменную гримасу.

Женщина и девочка поспешно удалялись. Нелли смотрела им вслед. Вдруг она почувствовала, что ей стало очень грустно. Неожиданно девочка обернулась и тайком от матери помахала Нелли рукой. Нелли удивилась этому жесту ребенка и радостно помахала ей в ответ.

Нелли еще долго сидела на лавке. Но она уже не замечала пруда и уток. Она даже забыла о медвежонке, который лежал у нее на коленях. В голове Нелли появилась мысль. Сначала робко, почти туманно, потом все яснее и яснее. Наконец, эта мысль приобрела «очертания». «Я хочу, чтобы у меня была такая же маленькая девочка», – прошептала Нелли, как бы закрепляя то, о чем она думала. В ее подсознании блуждали воспоминания о сыне, но они там были надежно спрятаны и не выпускались наружу.

Когда Нелли вернулась домой, она сразу написала письмо Ларе. Нелли всегда писала длинные письма, сбивчиво рассказывая в них о том, что происходит вокруг нее. В этих письмах одни события часто наплывали на другие, и Лара не всегда понимала, о чем конкретно хотела сказать ее подруга. Но в этот раз все было по-другому. Лара сразу позвонила из-за океана, как только получила письмо подруги:

– Нелли, дорогая, – Лара взволнованно говорила в трубку, – все правильно, конечно, тебе нужна дочка. Знаешь, здесь, в Америке, многие усыновляют детей. Тебе тоже так следует сделать. Какая же я – дура, что не посоветовала тебе об этом раньше! Я уверена, ты обязательно справишься, ты же у меня молодец. Только ничего не бойся! Тебе нужно пойти в районную администрацию и все узнать, как это делается. Когда мы вернемся, я тебе помогу воспитать ребенка. Целую, дорогая.

«Воспитать ребенка», – Нелли еще раз повторила слова Лары, и мысль о ребенке овладела ею полностью.

С этого дня Нелли не переставала думать о ребенке. Этот воображаемый ребенок имел облик девочки в красивом платье и маленькой шляпке. Теперь, когда Нелли брала в руки игрушечного медвежонка, она говорила ему, улыбаясь:

– Коля, у тебя скоро будет сестренка!

Нелли было необходимо узнать, что же ей следует сделать. Обычно неразговорчивая, Нелли очень удивила соседку, когда ехала вместе с ней в лифте и неожиданно спросила:

– Вы не скажите, где находится администрация?

Женщина опешила, впервые услышав голос Нелли, но, глядя на пытающуюся улыбнуться Нелли, тоже улыбнулась и спросила в свою очередь:

– Вы говорите об администрации нашего района?

– Да, да, – поспешила заверить Нелли.

– От нас недалеко, – сказала соседка и назвала адрес.

Нелли повторила вслух адрес, поблагодарила соседку и вышла из лифта. Пока она открывала дверь, все время нашептывала адрес, чтобы не забыть. Войдя в квартиру, Нелли сразу записала адрес на конверте от письма Лары и бережно сложила в сумку.

На следующий день Нелли встала раньше обычного. Она волновалась, никак не могла подобрать одежду, в которой ей следует пойти в такое серьезное учреждение. Долго приводила

себя в порядок перед зеркалом. Наконец, Нелли водрузила на голову свою любимую шляпу, осталась довольной своим видом и вышла из дома.

На поиски нужного учреждения у Нелли ушло около часа. Она нашла нужный дом, прочла вывеску и вошла. Внутри здания ее остановил охранник:

– Гражданочка, Вы к кому?

Нелли растерялась и не знала, что ответить. Она пролепетала:

– Я здесь первый раз и не знаю, к кому...

Но охранник пришел ей на помощь:

– Тогда скажите, по какому вопросу?

– По вопросу, – Нелли медлила с ответом, – по вопросу усыновления.

– А-а, – сказал охранник, – Вам в опеку, к Антонине Алексеевне. Только они сейчас не принимают. Сегодня вторник. А у них прием в понедельник вечером, с трех до шести, и в четверг, утром, с девяти до двенадцати. Вот, в эти дни и приходите. Запомнили?

– Да, да, – ответила Нелли и вышла обратно на улицу.

Охранник посмотрел ей вслед, качая головой, ухмыльнулся.

В четверг Нелли пришла снова. В этот раз охранник был другой, но и Нелли пришла в часы приема, ее пропустили без лишних вопросов.

– Я к Антонине Алексеевне, в опеку, – сказала Нелли.

– Проходите, тринадцатый кабинет.

Охранник показал, в какую сторону по коридору ей идти. Нелли шла, с волнением думая, какой нехороший номер у этого кабинета.

Рабочий день давно начался. Лето было в разгаре, москвичи трудились на огородах, и желающих посещать такого рода учреждения было намного меньше, чем в осенне-зимний период. У тринадцатого кабинета посетителей не было. Нелли постучала, но ответа не последовало. Тогда она робко повернула ручку, и дверь открылась. Нелли в нерешительности остановилась на пороге:

– Можно войти?

– Входите.

В кабинете, каждая за своим столом, сидели две женщины. Обе посмотрели на Нелли с некоторым удивлением:

– Вы к нам? По какому вопросу, – спросила одна из них, та, что показалась Нелли моложе.

– По вопросу усыновления, – проговорила Нелли с волнением.

– Ну, значит, ко мне, – вздохнула все та же женщина.

– Вы – Антонина Алексеевна? – спросила Нелли.

– Да, это я, – ответила Антонина Алексеевна, – присаживайтесь.

Нелли села напротив специалиста. Антонина Алексеевна переспросила:

– Вы хотите усыновить ребенка, я правильно поняла?

– Да, – кивнула Нелли, – я хочу усыновить девочку.

– Удочерить, – поправила ее Антонина Алексеевна.

– Да, наверное, удочерить, – согласилась Нелли.

– Ваш паспорт? – попросила Антонина Алексеевна.

– Паспорт? – удивилась Нелли, – у меня с собой нет.

– Вы идете в учреждение и не берете паспорт, почему? – строго спросила Антонина Алексеевна.

– Я не знала, что он нужен, – виновато сказала Нелли, – а без него нельзя?

– Что нельзя?

– Ну, чтобы..., – Нелли волновалась и не находила слова, – чтобы..., мне рассказали, чтобы меня проко... проко...

– Проконсультировали? – сказала за нее Антонина Алексеевна.

– Да, да, – облегченно подтвердила Нелли.

Но Нелли рано радовалась. Антонина Алексеевна сказала, как отрезала:

– Нет, нельзя.

– Почему? – испуганно спросила Нелли.

– А откуда я узнаю, что Вы – житель нашего района? Чем Вы подтвердите?

– Но я здесь живу, – Нелли назвала адрес.

– Вот и превосходно, – сказала Антонина Алексеевна, – приносите паспорт, тогда и поговорим.

– Тогда я сейчас схожу за паспортом и вернусь, можно? – спросила Нелли, поднимаясь.

Антонина Алексеевна пожала плечами:

– Пожалуйста, если успеете, у меня прием до двенадцати.

– Да, да, я успею, – кивнула Нелли и почти выбежала из кабинета.

Когда за ней закрылась дверь, специалисты переглянулись и прыснули от смеха. Анна Алексеевна спросила коллегу, Людмилу Кирилловну:

– Люд, ну, как тебе экземпляр?

– Сплошная экзотика, – ответила Людмила Кирилловна, – дама, конечно, своеобразная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.